Сов. театр. № - сов. драматургия

24 ЯНВ 1984

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

ЗАМЕТКИ ДРАМАТУРГА

КАК АВТОР И КАК ЗРИТЕЛЬ...

Вячеслав Кондратьев

О своих «театральных впечатлениях», о том, что встречи с театром бывали разными — и прекрасными, и порой разочаровывающими,— я уже писал. Упоминал и театр-студию «Драматург», о котором считаю необходимым поговорить более обстоятельно. Его спектакли идут чаще всего в маленьком подвальном помещении профессионального комитета московских драматургов. Это даже не малая сцена, точнее это мини-сцена! Входит человек, садится, закуривает, ищет глазами пепельницу и начинает разговаривать с тем, к кому пришел. Приглушенный голос, очень обыкновенно, но так, что за этими вроде бы обычными словами сразу проступает не только характер, а и вся судьба. Поразительно звучит в этом театре диалог! Режиссер сделал так, что ничто в спектакле не мешает слову. И произносится это слово с такими точными интонациями, с такой внутренней эмоциональностью, что замирает сердце.

Когда появилась актриса Надежда Серая в роли вдовы Степановой, то актрисы как таковой я просто не увидел. Я увидел несчастную, но мужественную женщину, к которой пришел в сорок втором в дома у Краснянской заставы. Я оказался там! Вместе с Володькой мучительно искал слова, решая, сказать ли мне правду или смолчать, потому как сил-то сказать правду не хватало...

А герой Николай Чемезов, актер из Великих Лук,—худой, бледный, с затравленным взглядом,— он же поистине был «оттуда», из года Ржевского второго! Тема поняйшее забвение того, что это театр, что перед тобой актер. Нет, все взаправду! Такой правдивой правдивости и остроты чувствования роли я не видел ни в одном актере, игравшем до этого Володьку-лейтенанта.

И на таком же уровне почти все остальные актерские работы. В. Сердюк, игравший Егорыча, нашел и точные интонации, и жесты. Чего стоит только оттянутый мизинец в сцене с Надеждой. И за каждой фразой — судьба. В сложной и неимоверно сложной роли Сергея С. Егорова, актер, внешне напоминавший мне прототип образа Сергея, даже говоря голосом прототипа, в такой же манере. Такое удивительное попадание — разве не чудо?

Только один эпизод был отпущен актрисе Галине Ивановой, только раз появляется Надюха, но сколько красок нашла актриса, чтобы в одной сцене выразить так узнаваемо характер заводской девчонки, с такой болью рассказать ее судьбу.

Георгий Соколов пошел дальше и глубже моей повести. Он поставил трагедию, хотя никто на сцене не умирает. Но трагедией была сама война, а она коснулась каждого: и того, кто был на фронте, и того, кто оказался в тылу. Благодаря такой трактовке все персонажи спектакля приобрели какую-то большую значительность и глубину. Каждое слово стало весомее и многозначнее. А отсутствие броских мизансцен, суеты на сцене, театральных эффектов! Здесь все внимание зрителя сосредоточено на актере, и это убедило меня в том, что я нашел режиссера-единомышленника, которому могу спокойно и с верой отдать любое свое произведение.

Тем более интересно мне было увидеть на этой сцене другой спектакль — «Знаки Зодиака» Виталия Раздольского. Скажу прямо, эта пьеса не очень близка мне по манере и стилистике. У меня даже возникло желание спросить драматурга, что же хотел он сказать его. И тут случилось то, что часто случается с нашим братом-писателем, — автор иной раз видит в своем произведении не совсем то, что читатель, зритель или критик. И порой видит он — как это ни странно — однозначнее, а ведь каждое настоящее художественное произведение таит в себе что-то, идущее дальше его замысла. Насколько я понял автора, своей пьесой он хотел предупредить об одной опасности, подстерегающей рано или поздно, каждого творческого человека. Имя этой опасности — отрыв от жизни. Мне же и при чтении пьесы, и после просмотра спектакля, показалось, что не только об этом его пьеса, что она... Но об этом потом.

Герой пьесы «Знаки Зодиака» Спасовский — хрупкий, ученый. Дело, которому он служит, масштабно. Вместе с коллективом, им возглавляемым, он изобрел за квоты жар-птицу термоядерного синтеза. Еще один шаг, еще одно усилие, и сбудется мечта: станет явью рукотворное солнце, шествующее не по знаком Зодиака, а по созвездиям практической энергетики.

«Плазменное пароль надо продержать на весу хотя бы сутки. Счет идет сначала на часы, потом на минуты, наконец — от сигнала до сигнала, когда бункерная группа идет на отчаянный риск.

У института нет пока ни названия, ни сметы, но у его руководителя целая гора общественных нагрузок. Спасовский превращен в члена всех районных президиумов, в члена жюрисий, обществ и тому подобного.

И ему сочувствуешь. И поэтому, когда появляется около него фигура «человека-заменителя» — Пантелая Иссидоровича Глушкова, который берет на себя все эти мелкие заботы и обязанности, зритель радуется за Спасовского. Причем человек этот не карьерист, не злодей. Он любит Спасовского и искренне желает помочь ему избавиться от ненужных мелких делишек. Даже заботы о матери и любимой женщине Спасовского берет Глушков на себя. И все с готовностью, искренностью, с любовью... Но постепенно зритель начинает понимать, что «вползание» этого тихого человечка грозит бедой и Спасовскому, и его делу. Как раковая опухоль подменяет живую ткань, так и Глушков, не сразу, но с упорством меньшим, вползает в жизнь Спасовского и в результате отнимает у него все — невесту, мать, доброе имя, дело, а под конец и разум.

Еще одним героем произведения является Время — во всей его подвижности и относительности. Не случайно, одному из героев пьесы кажется, что от начала до конца действия пролетает десять лет, а другой уверен, что потрачены всего один сутки. Жизнь на прощает шуток с календарем.

Такая вот пьеса. То ли притча, то ли анекдот. Сочетание фантасмагории и водевиля. И для Георгия Соколова — приверженца подчеркнуто психологической, нешумной режиссуры — наверное, не очень-то легкая для постановки. Но, видимо, нужна оказалась ему именно такая пьеса, и он предстал перед нами в совершенно новом и неожиданном качестве.

В этом спектакле поразил актер, не виденный мною до этого,— А. Земляков, исполняющий роль Глушкова. «Вползание» этого жуковатого человечка в плоть чужой ему жизни, своеобразное его обаяние, какая-то простоватая звериная хитрость — все это сыграно актером на блестящем уровне. Зритель одновременно и любуется им, и испытывает отвращение и страх — фигура-то зловещая...

Возникает мысль, что трагедия Спасовского на в прямом смысле отрыве от жизни, а в другом. Ведь поначалу оторвался он лишь от ненужных и мешающих делу вещей, от которых вроде бы и должен быть избавлен творческий работник. Трагедия, на мой взгляд, в другом, в том, что талант сдает свои позиции бездарности, посредственности. Сдает по своей интеллигентской мягкости, бреззливости. Нет, это не современный нувориш с пачкой денег и амбициями, а вроде бы честный незаметный человечек с вполне приличным образованием. Но какая хватка! Как целеустремленно и методично захватывает он у Спасовского одну позицию за другой! Как меняется его голосок! Как в заискивающий тенорок вливаются вдруг властные нотки победителя. Нет, не так все тут просто. Когда такие люди, как Спасовский, отдают на откуп глушковым свое дело — это не только отрыв от жизни. Здесь посложнее и пострашнее. Но вернемся к спектаклю...

Сергею Егорову, сыгравшему Спасовского, повезло с ролью меньше, и, видимо, потому, что образ Спасовского у драматурга несколько условен, играть его в реалистической манере, наверное, нельзя. Актер не в мере суетлив, и этим как-то снижается значимость и масштаб героя. Видимо, здесь еще предстоит работа и для режиссера, и для актера.

Что касается третьего героя драмы — «Времени», то он встающем еще в одном персонаже спектакля, «Третий знак Зодиака», или «Муза времени», или просто «Ведьма», как она представляет себя, по-моему, наиболее спорное звено в этом, несомненно, интересном спектакле.

Думается, что спектакль еще в движении, ведь он максимум экспериментален, студиен, и требовать сейчас от него полной законченности просто нельзя.

Итак, два совершенно разных спектакля: сурово-реалистический, очень психологический «Отпуск по ранению» и изящный, несколько условный «Знаки Зодиака». По ним, мне кажется, можно судить о возможностях этого маленького театра-студии.